

В. Г. Белинский

Наталия. Сочинение

госпожи *** ...

Виссарион Белинский

Наталия. Сочинение госпожи *...**

«Public Domain»

1835

Белинский В. Г.

Наталия. Сочинение госпожи ***... / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1835

ISBN 978-5-457-25100-7

«...Во Франции пишут многие женщины; некоторые из них пишут (дивное дело!) хорошо. Неизвестная сочинительница «Наталии» не принадлежит к числу хорошо пишущих, по новым понятиям. Героиня ее романа в восторге от «Матильды» г-жи Коттень, и автор хлопочет о том, чтобы показать способ застраховать жизнь женщины от несчастья на земле. Средством к этому, по ее мнению, должна быть слепая покорность судьбе и избежание страстей и глубоких чувств...»

ISBN 978-5-457-25100-7

© Белинский В. Г., 1835

© Public Domain, 1835

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Наталия. Сочинение госпожи ***...

НАТАЛИЯ. Сочинение госпожи ***^[1]. Издание Сальванди.
Перевел с французского Александр Шубяков. Москва. В типографии Н.
Степанова. 1835. 396. (12).

Было время, когда думали, что конечная цель человеческой жизни есть *счастье*. Твердили о суетности, неп прочности и непостоянстве всего подлунного и взапуски спешили жить, пока жилось, и наслаждаться жизнью во что бы то ни стало. Разумеется, всякой по-своему понимал и толковал счастье жизни, но все были согласны в том, что оно состоит в наслаждении. Законы, совесть, нравственная свобода человеческая, все отношения общественные почитались не иным чем, как вещами, необходимыми для связи политического тела, но в самих себе пустыми и ничтожными. Молились во храмах и кошунствовали в беседах; заключали брачные контракты, совершали брачные обряды и предавались всем неистовствам сладострастия; и знали, вследствие вековых опытов, что люди не звери, что их должны соединять религия и законы, знали это хорошо – и приноровили религиозные и гражданские понятия к своим понятиям о жизни и счастье: высочайшим и лучшим идеалом общественного здания почиталось то политическое общество, которого условия и основания клонились к тому, чтобы люди не мешали людям веселиться. Это была религия XVIII века. Один из лучших людей этого века сказал:

Жизнь есть небес мгновенный дар:

Устрой ее себе к покою

И с чистою твоей душою

Благословляй судеб удар.

.....

.....

Пей, ешь и веселись, сосед!

На свете жить нам время срочно:

Веселье то лишь непорочно,

Раскаянья за коим нет!^[2]

Это была еще самая высочайшая нравственность; самые лучшие люди того времени не могли возвыситься до высшего идеала оной. Но вдруг все изменилось: философов, пустивших в оборот эти понятия, начали называть, говоря любимым словом Барона Брамбеуса, *надувателями* человеческого рода. Явились новые *надуватели* — немецкие философы, к которым по справедливости вышереченный муж питает ужасную антипатию, которых некогда так прекрасно отшлифовал г. Масальский в превосходной своей повести «Дон Кихот XIX века» — этом истинном *chef-d'oeuvre*¹ русской литературы — и которых, наконец, недавно убила наповал «Библиотека для чтения»^[3]. Эти новые *надуватели* с удивительною наглостию и шарлатанством начали проповедовать самые безнравственные правила, вследствие коих цель бытия человеческого состоит будто бы не в счастье, не в наслаждениях земными благами, а в полном сознании своего человеческого достоинства, в гармоническом проявлении сокозвизц своего духа. Но этим не кончилась дерзость опасных вольнодумцев: они стали еще утверждать, что будто только жизнь, исполненная бескорыстных порывов к

¹ шедевре (франц.). — Ред.

добру, исполненная лишений и страданий, может назваться жизнью человеческою, а всякая другая будто бы есть большее или меньшее приближение к жизни животной. Некоторые поэты стали действовать как будто по согласию с сими злонамеренными философами и распространять разные вредные идеи, как-то: что человек непременно должен выразить хоть какую-нибудь человеческую сторону своего бытия, если не все, то есть или действовать практически на пользу общества, если он стоит на важной ступени оного, без всякого побуждения к личному вознаграждению; или отдать всего себя знанию для самого знания, а не для денег и чинов; или посвятить себя наслаждению искусством, в качестве любителя, не для светского образования, как прежде, а для того, что искусство (будто бы) есть одно из звеньев, соединяющих землю с небом; или посвятить себя ему в качестве действующего, если чувствует на это призвание свыше, а не призвание кармана; или полюбить другую душу, чтобы каждая из земных душ имела право сказать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Автор рецензируемой книги – французская писательница Шарль де Монпеза (M-me Charles de Montpezat).

2.

Первая цитата – завершающие строки стихотворения Г. Державина «На смерть князя Мещерского». Вторая цитата – также завершающие строки другого стихотворения Державина – «К первому соседу». Курсив везде Белинского.

3.

О повести К. Масальского Белинский уже писал: см. наст. т., с. 351. Выступление «Библиотеки для чтения» против немецких философов – это статья О. Сенковского «Германская философия» (т. IX, отд. III, 1835) с резкими нападками на Канта, Шеллинга и особенно Гегеля. «Германская философия, – заключал автор, – наделала много вреда; она сбита с толку не одну умную голову и запутала все науки: пора ей в отставку – и, по милости, освободите от ней русских, которые всегда славились своим здравым смыслом».